

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

БАДАХШАНСКАЯ СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ „ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА“

Среди богатого и разнообразного фольклора как на таджикском, так и на памирских языках в Бадахшане (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) в качестве свадебной песни широко распространена местная поэтическая версия известного по многочисленным обработкам в ближневосточных литературах коранического сюжета „Юсуф и Зулейха“.¹ Эта песня, исполняемая повсеместно во время свадебного пира мужским дуэтом на таджикско-бадахшанском говоре в Шугране, Ишкашме и Вахане, до сих пор не привлекла к себе внимания фольклористов. В нашем распоряжении имеется пять близких вариантов этой песни, записанной во время летних поездок в Бадахшан,² но число вариантов может быть значительно увеличено.

Число мисра³ в имеющихся в нашем распоряжении вариантах песни колеблется от 30 до 36 (30, 33, 34, 35, 36). Первый бейт во всех вариантах совпадает текстуально. Это зачин, который затем используется в качестве припева после каждой строфы:

Iusuf az dasti Zulayxo, yor(e),
Nadorad zavqi tamošo, yor(e).

Юсуф из-за (по вине) Зулейхи, друг,
Не наслаждается зрелищем, друг.

Сама песня известна под названием „Iusuf az dasti Zulayxo“, т. е. по первой мисре зачина. Так же совпадает и первая мисра первой строфы:

Azrati Io'qub azda pisar došt.

Святой Якуб имел 18 сыновей.

Далее наши варианты расходятся, хотя некоторые мисры совпадают полностью. При сопоставлении различных вариантов можно видеть, что

¹ Коран, сура XII, Иусуф. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.

² Записи проводились автором данной статьи и проходившими под руководством автора практику студентами кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ Шониезом Мусоевым (1962 г.) и И. Стеблин-Каменским (1967 г.) в селениях Вранг, Змудг, Ямг, Яхшволь и в г. Хороге.

³ В таджикских юго-восточных говорах, в том числе и бадахшанских, слово мисра не употребляется, ему соответствует „байт“, откуда четверостишие называется наряду с „рубои“ также „чорбайт“ и даже „байт“.

иногда нарушается последовательность эпизодов, не всегда выдержана рифма, неодинаково и количество строк (в трех вариантах — 8 строк, в одном — 7 и в одном — 9). В конце каждой строфы при исполнении прибавляется слово *yor(e)* „друг“. Построена вся песня в форме четырехстрочного мусаммата (мурабба⁴), но иногда в устной передаче сохраняется в некоторых строфах только три мисры. Способ рифмовки — а а а б, в свою очередь четвертая мисра рифмуется с каждой четвертой мисрой последующих строф. Иногда повторяется одно и то же слово *šo* — „колодец“, *badxo* — „злонамеренный“, *šudan ayron* — „поразились“.

В бадахшанской версии как бы концептивно излагаются начальные эпизоды коранического предания о Юсуфе (Иосифе Прекрасном): зачин; у святого Якуба было 18 сыновей; Якуб любил Юсуфа; отец не позволял Юсуфу идти в степь; злонамеренные братья уводят его с собой; братья бросают Юсуфа в колодец; мажут волку морду кровью; приносят Якубу окровавленную рубашку Юсуфа; приходит караван; караванщики испытывают жажду; бросают веревку в колодец; достают Юсуфа; ведут его продавать на базар; здесь его хочет купить Зулейха; цена его — пятьсот верблюжьих вьюков, золото и серебро, равное его весу; Юсуф молится богу и накликает дождь и снег; караванщики поражены.

В двух вариантах упоминается *markabi šubin* „деревянный конь“, как будто никак не связанный с развитием сюжета: *markabi šubin dar ov fitoda* („деревянный конь упал в воду“); *markabi šubin dar ro monda* („направил деревянного коня в путь“). Однако этот мотив мы находим в ряде таджикских сказок, иногда на деревянном коне (*aspi šubin*) герой (героиня) сказки чудесным образом спасается от грозящей ему (ей) опасности.

Вся песня носит религиозный оттенок не только потому, что является поэтической переработкой коранического предания, но еще и потому, что все чудеса в песне происходят с помощью молитв и бога. Таким образом, эта версия должна быть отнесена к числу „духовных“ песен, занимающих определенное место в бадахшанском фольклоре.⁴ Вместе с тем, как говорилось выше, песня „*Iusuf az dasti Zulayxo*“ несомненно является свадебной и исполняется лишь среди другого свадебного фольклора. Это подтверждается еще и тем, что каждая строфа, как и байт зачина (припева), сопровождается словом *yor(e)*, входящим как концовка мисры, байтов или строф в большинство свадебных песен.

Сейчас невозможно идентифицировать бадахшанскую версию „Юсуф и Зулейха“ с каким-либо определенным произведением на эту тему. В известной поэме Джами „Юсуф и Зулейха“ эпизоды бадахшанской версии не являются начальными, а расположены после ряда глав, посвященных рождению Юсуфа, описанию красоты Зулейхи, ее снов, заму-

⁴ В бадахшанском фольклоре особенно много песен, сказок, преданий, связанных с именем Алия, ему повсеместно в горном Таджикистане, в том числе и в Бадахшане, приписываются различные памятные места, с его именем связываются и победы над легендарными кафирами — владетелями древних крепостей, руины которых сохраняются и поныне.

жества.⁵ Наша версия в основном посвящена лишь Юсуфу, его страданиям. О красоте Юсуфа вообще не говорится, имя же Зулейхи упоминается один раз в связи с ее желанием купить Юсуфа. В одном варианте имеется лишь следующий эпизод, свидетельствующий о коварстве Зулейхи:

Zulayxo mekard čok girebon,
Ba Iusuf mekard tumat nogumon
Iusufro boz partoftand ba zindon
Nadorad mahrami dilxo, yor.

Зулейха разорвала ворот,
Оклеветала, не думая, Юсуфа,
Юсуфа снова бросили в тюрьму,
Нет у него близкого наперсника, друг.

Интересно отметить, что в трех из наших вариантов в одной из строф (иногда это 2-я, 3-я или 4-я по порядку) упомянута могила матери Юсуфа:

Azrati Iusufa burdan piyoda
Ru jonibi hoki modar ni(h)oda
(Ru ba suni hoki modar ni(h)oda).

Святого Юсуфа повели пешком,
Обратившись (обратился он) лицом к могиле матери.

Этого эпизода нет в поэме Джами, но обращение к могиле матери имеется в поэме „Юсуф и Зулейха“, приписываемой Фирдоуси.⁶

Благодаря устному бытованию в большинстве вариантов отражены особенности таджикско-бадахшанского говора, особенно в фонетике: *h* во всех позициях (в начальной, интервокальной и поствокальной) чаще всего не произносится — *azrat* — „святой“, *čo* — „колодец“, *ro* — „дорога“, *saro* — „степь“, *šari Misr* — „страна Миср“; *v > v* — *ov* — „вода“; *ε < h* *duho* — „молитва“; в открытом слоге иногда монофтонги переходят в дифтонги: *raugahan* — „рубашка“, *xaugador* — „покупатель“; прямое дополнение выражается суффиксом *-ro/-a*; множественное число — суффиксом *-o*.

В некоторых вариантах в последней строфе упоминается имя Гарибмамад (*garibmamad*), который, возможно, и является автором этого произведения, ставшего в настоящее время фольклорным. Местная бадахшанская литература богата традициями, ее представители — многочисленные поэты, писавшие на „фарси“ — бадахшанско-таджикской литературной разновидности таджикского литературного языка. Произведения этих поэтов еще далеко не изучены, хотя начало этому положено исследованиями советских иранистов.⁷

⁵ Абдулрахмон Джоми. Юсуф ва Зулайхо. Душанбе, 1964.

⁶ См.: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 232—236; А. Т. Тагирджанов. К вопросу о поэме Фирдоуси „Юсуф и Зулейха“. Сов. востоковедение, V, 1948.

⁷ А. Н. Болдырев. 1) Фольклор и литература Бадахшана. Тез. канд. дисс., Л., 1941; 2) Бадахшанский фольклор. Сов. востоковедение, V, 1948, стр. 276—277; Т. Пулоди. Шоириони хаққи Бадахшон. Душанбе, 1964; А. Абибов. Из истории таджикской литературы XIX — начала XX веков в Бадахшане. Автореф. канд. дисс.,

Возможно, что наша версия является частью какой-то более обширной поэмы на сюжет „Юсуф и Зулейха“, использованный многими поэтами в таджикско-персидской, курдской, узбекской, турецкой, грузинской и других литературах.⁸ Известны и многочисленные прозаические произведения на эту тему. Однако необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая в данной работе версия бытует как самостоятельное, вполне законченное произведение.

В заключение следует отметить, что в настоящее время появляется все большее число публикаций по бадахшанскому фольклору,⁹ несомненно, что будут обнаружены и многие другие произведения, до сих пор не привлекавшие внимания фольклористов.

IUSUF AZ DASTI ZULAYXO*

Iusif¹ az dasti Zulayxo, yore,
Nadorad zavqi tamošo, yore.

1. Hazrati loqub haždah pisar došt,
Hamčun Iusifro ba sahro namegužošt.

Душанбе, 1967; А. Бертельс, М. Бакоев. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959—1963 гг. Под ред. и с предисл. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева. М., 1967.

⁸ Сведения о распространении сюжета „Юсуф и Зулейха“ в различных литературах Востока, а также библиографию см.: Е. Э. Бертельс. Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе прекрасном. Альманах „Дар“, Ташкент, 1944; А. А. Г а х а р и я. 1) Персидские источники грузинских версий „Юсуфа и Ээлихи“. Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1958; 2) Персидские источники грузинских версий „Юсуфа и Ээлихи“ (на груз. языке); 3) Восточные версии „Юсуфа и Ээлихи“. Сб. „Джами“, Тбилиси, 1964, стр. 119—140; Джавад Алмаз. „Кисса-и Юсуф“ Али — булгаротатарский памятник. Труды XXV Междунар. конгр. востоковедов, т. III, М., 1963, стр. 382—388; Д. А. Горбаченкова. Турецкая версия „Юсуф и Зулейха“. КСИНА АН СССР, 1965, т. 84, стр. 3—13; М. Б. Р у д е н к о. Курдская литературная версия поэмы „Юсуф и Зулейха“. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, Тез. док. III годичной сессии ЛО ИНА, май 1967 г., стр. 78—79.

⁹ Одним из первых исследователей бадахшанского фольклора на памирских языках является И. И. Зарубин. Фольклорные записи содержатся не только в его лингвистических исследованиях, посвященных памирским языкам, но этому вопросу посвящены и некоторые его специальные работы: И. И. З а р у б и н. 1) Образец припамирской народной поэзии. ДРАН, серия „В“, 1924, стр. 82—85; 2) Два образца припамирской народной поэзии. ДРАН, серия „В“, 1924, стр. 177—180; 3) Одна орошорская сказка. Восточные записки, т. I, Л., 1927. Большой фольклорный материал содержится и в двухтомном труде М. С. Андреева, подготовленном к печати и снабженном многочисленными комментариями А. К. Писарчик: М. С. А н д р е е в. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), т. I. Душанбе, 1953; т. II, Душанбе, 1958. Специально по бадахшанскому фольклору на таджикском языке есть публикации: Namunayi folkloři toçik. Tartibdihanda A. N. Boldirev. Л. — Душанбе, 1938 [бадахшанский фольклор (kubistoni Badaxşon) выделен особо в каждом разделе сборника]; Тило Пулодӣ. Назаре ба рубоёти пешазреволюционии Бадахшон. Маҷмуаи ҷилми, серия филология, ҷилди 4. Институти педагогӣ, Душанбе, 1954; Рубоёт ва суруди халқи Бадахшон. Ҷамъунанда ва тартибдиҳанда Нисор Шакармуҳаммадов, Душанбе, 1965.

* Записано автором летом 1966 г. в таджикоязычном кишлаке Яхшволь Ишканинского района от Мансурова Шоалифа, 60 лет, грамотного, певца, колхозника.

- Hamčun Iusifro ba zeri nazar došt
Ki dorad dodari badxo,² yore.
2. Hazrati loquba bozi bidodan³
Hamčun Iusifro ba saħro nihodan
Peruvan⁴ ʔarq ba xunaš molidan
Partoftan Iusifro dar čoh, yore.
3. Gurgi bečoraro burdan bo kalom
Ba puzaš molidan az xuni arom⁵.
Ba aqi⁶ payʔambari loqub nom
Naxurdan Iusifa dar xob, yore.
4. Korvon homad⁷ andar sari čoh
Amagi tašna šudan ba amri xudo
Kamandi partoftan dar zeri čoh
Barovardan Iusifa az čoh, yore.
5. Azrati Iusifa burdan piyoda
Ru ba suyi xoki⁸ modar nihoda
Markabi čubinro dar ro fitoda
Ĵami korvon šuda ayron⁹, yore.
6. Payʔamḅar kard du dast ba duho,¹⁰
Abri paydo šud ba ruyi avo,¹¹
Barfu boron šud čun amri xudo,
Ĵami korvon šudan ayron, yore.
7. Azrati Iusifa burdan ba bozor,
Zulayxo omad, ba u šud xaridor,
Bahoyi Iusif panjšad šutur bor,
Ba vaznaš nuqrau tillo, yore.
8. Korvon omad az šari Yaman,
Xaridori Iusifa ğulpervan.
ʔaribmamad jon dod az dilu tan
Ki in payʔambari Kinon, yore.

Комментарии: ¹ Iusif — „Юсуф“; ² badxo — „злонамеренный“; ³ bozi bidodan — „обманули“ (здесь и в дальнейшем III л. множ. числа выражается окончанием -an); ⁴ peruvan (payrahan, payraan) — „рубашка“; ⁵ arom — „нечистый“; ⁶ ba aqi — „во имя“, „клянусь“; ⁷ homad — „пришел“ (иногда перед гласным началом слова наращивается h); ⁸ хок — „могила“; ⁹ ayron šudan — „поразились“; ¹⁰ duho — „молитва“; ¹¹ avo — „воздух“, „небо“.

Юсуф из-за (по вине) Зулейхи, друг,
Не наслаждается зрелищем, друг.

1. Святой Якуб имел 18 сыновей,
Подобного Юсуфу он не пускал в степь,
С такого, как Юсуф, он не спускал глаз,
Потому что он (Юсуф) имел злонамеренных братьев, друг.

2. Они обманули святого Якуба,
Увели Юсуфа в степь,
Измазали его рубашку в крови,
Бросили Юсуфа в колодезь, друг.
3. Бедного волка, уговорив, повели,
Измазали ему морду в нечистой крови.
Клянусь именем пророка Якуба,
Я и во сне не съел Юсуфа, друг.
4. Пришел к колодезю караван,
По велению бога все захотели пить,
Спустили веревку в колодезь,
Вытащили Юсуфа из колодезя, друг.
5. Святого Юсуфа повели пешком,
Лицом обратился он к могиле матери,
Деревянную лошадь пустил в путь (?),
Все караванщики поразились, друг.
6. Пророк воздел обе руки в молитве,
Туча появилась на небе,
По велению бога пошел дождь и снег,
Все караванщики поразились, друг.
7. Святого Юсуфа повели на базар,
Пришла Зулейха, захотела его купить,
Цена за Юсуфа — пятьсот верблюжьих вьюков,
Золото и серебро — равное его весу, друг.
8. Пришел караван из страны Иемен,
Покупающая Юсуфа — (девушка) в платье в цветах,
Гарибмамад расстался с жизнью (буквально: отдал
душу из сердца и тела),
Потому что этот пророк (т. е. Юсуф) из Ханаана, друг.

A. Z. Rozenfel'd

BADAKSHAN WEDDING SONG „JUSUF AND ZULEYKHA“

Among the wedding songs in Badakshah (Tajikistan) that belong to the local lore one would always hear the „Jusuf and Zuleykha“ song sung in Tajik. It numbers 30 to 36 lines. The subject of the song which is extremely popular among the Muslims of the East (Ferdousy, Nizami, Jami and many others) is limited in this version to the initial episodes of the legend of Iosef to be found in the Koran. The unknown author concentrates of Jusuf's sufferings, whereas the beauty of Jusuf and Zuleykha are hardly ever mentioned.
